

Рязанская Ольга Борисовна

СВЯТООТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ И ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО С. Н. БУЛГАКОВА

Автор предпринял попытку выявить понимание С. Н. Булгаковым православной догматики и сформулировать особенность ее трактовки в учении философа. В статье выявляются основания богопознания, понимаемые С. Н. Булгаковым как личный религиозный опыт, что связывает воззрения философа со святоотеческой традицией; формулируются базовые концептуальные основы учения о богопознании у С. Н. Булгакова, опирающиеся на святоотеческую традицию и православное богословие энергий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 148-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

REPORTS OF MILITARY-CENSORIAL COMMISSION OF OMSK MILITARY REGION AS A SOURCE ON THE HISTORY OF RUSSIAN CAPTIVITY IN 1914-1917

Nichkov Evgenii Aleksandrovich

Tyumen State University

nichkov-evgeniyy@rambler.ru

The article examines the problem of using the reports of the Military-Censorial Commission of Omsk military region as a historical source. By the content analysis the author identifies the periodicity of the reports, their structure and contents. According to the researcher, the acquired data allow reconstructing the captives' spare time, confinement conditions, opinions concerning charitable organizations' and state bodies' activity and supplement considerably the data of the epistolary sources of the "Great War" period.

Key words and phrase: The First World War; military censorship; Omsk military region; prisoners of war; historical source.

УДК 215

Философские науки

Автор предпринял попытку выявить понимание С. Н. Булгаковым православной догматики и сформулировать особенность ее трактовки в учении философа. В статье выявляются основания богопознания, понимаемые С. Н. Булгаковым как личный религиозный опыт, что связывает воззрения философа со святоотеческой традицией; формулируются базовые концептуальные основы учения о богопознании у С. Н. Булгакова, опирающиеся на святоотеческую традицию и православное богословие энергий.

Ключевые слова и фразы: апофатическое богословие; «богословие сердца»; личный религиозный опыт; паламизм; святоотеческая традиция; принцип символического реализма.

Рязанская Ольга Борисовна

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)

Донского государственного технического университета в г. Шахты

ors27@mail.ru

СВЯТООТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ И ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО С. Н. БУЛГАКОВА

С точки зрения исследователей, в процессе воздействия святоотеческой исихастской традиции на отечественную культуру и историю условно можно выделить нескольких периодов. Уже в XIV в., по мнению И. И. Семаевой, обнаруживается влияние исихазма на творчество иконописцев Максима Грека и Андрея Рублева; в дальнейшем оно проявляется в деятельности Паисия Величковского по переводу и изданию святоотеческой литературы на Руси; XIX век засвидетельствовал нам присутствие исихастской традиции в житии старцев Оптиной Пустыни. Однако, замечает И. И. Семаева, в целом, исихастское влияние на русскую религиозную философию было практически не исследовано [9, с. 136]. Творчество С. Н. Булгакова в этом отношении также не являлось исключением, хотя его религиозная философия и вызывала постоянный научный интерес у исследователей.

Сергей Николаевич Булгаков прошёл сложный путь духовной эволюции: православная вера, обретенная в родительской семье, уход от православия, увлечение марксизмом, разочарование в нём, наконец, возвращение к православию. Причём последний духовный перелом произошёл через промежуточный этап обращения к немецкому трансцендентализму. «Именно влияние трансцендентально-идеалистических воззрений породило разочарование русских мыслителей в философском обосновании материализма и, в конечном счёте, способствовало его преодолению» [5, с. 119]. Испытав влияние немецкой философии, С. Н. Булгаков, по словам Г. В. Флоровского, обращается к учению Св. Отцов, «к опыту Великой Церкви, в историческую Церковь, в Церковь предания и отцов» [12, с. 483].

Соответственно, как религиозный мыслитель, С. Н. Булгаков все феномены реальности рассматривает в контексте религии, давая событиям и явлениям мира религиозную интерпретацию. Причём православная догматика понимается С. Н. Булгаковым не только как основа самого богословия, но и всего мироздания. Следовательно, догматы должны быть востребованы не только в богословии, но и в философии. В этой связи философ видит в качестве одной из своих задач перевод концептуальных религиозных истин «...на язык современного философского мышления» с целью обнаружить, как эти истины «искажаются и затемняются и в материализме, и в идеализме» [4, с. 51]. В то же время философ сам не избежал такого искажения, что справедливо было замечено И. И. Семаевой. По ее мнению, трактовка С. Н. Булгаковым паламизма стала, по сути, «разрушением православной энергетической традиции» [9, с. 95]. Поэтому в данной статье мы попытаемся выявить особенности понимания С. Н. Булгаковым православной догматики.

Интерес к святоотеческому наследию вообще был характерен не только для С. Н. Булгакова, но и для многих русских философов в начале двадцатого века. Ряд отечественных исследователей (И. И. Семаева,

С. С. Хоружий, В. Лурье и др.) связывают такой интерес к святоотеческому наследию с имяславием, в частности, с конфликтом, возникшим на Афоне в русском монастыре св. Пантелеймона в 1907 г. в контексте имяславческого движения.

Если вкратце, то суть учения св. Григория Паламы (XIV в.) о божественных энергиях представляет собой богословский синтез молитвенной практики (исихазм) и православной патристики. Как отмечает современный исследователь Е. Ю. Положенкова, «...учение Григория Паламы о нетварных Энергиях, невыразимо отличных от Божественной сущности, было принято на Константинопольском Соборе в 1341 году и явилось догматической основой реальности всякого мистического опыта» [5, с. 87]. До начала имяславческого спора с 1907 по 1913 гг. учение Григория Паламы не обсуждалось в отечественной философской среде. Полемика между афонским иеромонахом Антонием (Булатовичем) и архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) закончилась осуждением имяславцев Константинопольскими патриархами, а само учение об имяславии было признано Синодом РПЦ ересью и богохульством. Однако сложный богословский вопрос так и остался неразрешенным, что свидетельствовало о неспособности академического российского богословия либо дать адекватную оценку и обоснование проблеме энергий, либо опровергнуть данное учение как еретическое. В то же время представители русской религиозной философии (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Н. А. Бердяев и др.) быстро отреагировали на ситуацию, выступив в защиту имяславия [9, с. 6]. Такой поворот к святоотеческой традиции со стороны русской философии был закономерен, поскольку определялся, прежде всего, осмыслением ее духовных оснований. По словам И. И. Семаевой, усвоение православной традиции русской философской мыслью было процессом «...сложным и противоречивым, а результатом его стала выработка оригинальных идей и концепций – всеединства, софиологии» [Там же, с. 5]. В этом контексте метафизические искания С. Н. Булгакова неразрывно были связаны с данным процессом, хотя и отличались определенной противоречивостью и даже «еретичностью» с точки зрения строгости религиозных догматов. Какова же была позиция С. Н. Булгакова по соотношению религиозной веры и философского знания?

По мнению С. Н. Булгакова, целостность философского знания зависит от религиозной веры, поэтому так важен, подчеркивает философ, анализ природы религиозной веры. В этой связи в одном из своих значимых произведений «Свет невечерний» С. Н. Булгаков пытается сформулировать главные черты религии, выделяя в качестве основной «категории» присутствие Бога. Автор подчеркивает, что само слово *religio* (означающее в переводе *соединять, связывать*) указывает на дуалистический характер религиозного отношения: какая бы по форме религия не была, она всегда имеет два начала. В ней устанавливается и проживается связь индивида с тем, что его выше. Поэтому-то философ и определяет религию как «опознание Бога и переживание связи с Богом» [3, с. 21]. По С. Н. Булгакову, содержанием веры выступает как самооткровение Бога о себе, так и собственный религиозный опыт индивида, связанный с молитвенным созерцанием. В результате мы можем сказать, что религиозное переживание обладает реальным, конкретным и объективным характером. Трансцендентное содержательно раскрывается в вере как объективная истина, выражаясь в виде догмата. Благодаря последнему и определяются конкретные черты религии.

Мыслитель формулирует три пути богопознания – эмпирический, мистический и аналитический, подчеркивая при этом, что два последних имеют смысл только в связке с первым и представляют собой отвлеченное мышление (философия) и самоуглубление (молитва). Эмпирический же путь – это религиозное откровение (благодать). Для С. Н. Булгакова отношение между Богом и миром является реальным и имеет двусторонний характер (т.е. нисхождение для Бога – благодать, и восхождение для твари – обожение). Именно эта божественная благодать, энергия, «действия Божества в человеке» является основанием подлинной религии.

Базовые концептуальные основы учения о богопознании у С. Н. Булгакова опираются на *святоотеческую традицию* и *православное богословие энергий*. В свое время св. Григорий Нисский, которого очень ценил философ, подчеркивал, что Бог непостижим, однако человеку свойственно стремиться к богопознанию. По рассуждению Св. Отца, с одной стороны, Бог выступает Творцом мира, и это открывает путь к познанию; с другой стороны, Он выше познания и мира. В итоге, в теологической концепции Г. Нисского вопрос об обожении человека сочетается с верой в непостижимость и неизреченность Божественного бытия. Автор уточняет, что Бог, прежде всего, открывается в человеческой душе, имеющей Божий образ. Но для того, чтобы обнаружить в себе Бога, человеку необходимо стремиться к богоподобию. По словам св. Григория Нисского, «и в очищенной подвигом и бдением душе отражается Бог» [8, с. 134]. Для него умозаключающее дискурсивное познание не имеет самодовлеющего достоинства, хотя богослов и не отрицает, что слову при-суще важное познавательное значение (в частности, указывает на незаменимость божественных имен).

Действительно, согласно взглядам св. Григория Нисского, божественные имена, закрепляющие наши представления о явленных во вселенной чудесах (благой, премудрый, святой, всемогущий, вечный и др.), говорят о действиях, но не о сущности Бога, и поэтому эти именованья без живого опыта веры не имеют никакого смысла.

Очень важен для понимания всего содержания булгаковской религиозно-философской проблематики, имеющей энергичное обоснование, тезис, сформулированный философом при анализе отрицательного богословия Дионисия Ареопагита. С. Н. Булгаков формулирует в святоотеческом контексте гипотезу богопознания через божественные энергии следующим образом: «неизреченный, именуемый, непостижимый, недомыслимый, недомыслимый Бог открывается твари в имени, слове, культе, богоявлениях, боговоплощении» [2, с. 147].

Итак, кратко говоря, по С. Н. Булгакову, в основе богопознания лежит личный религиозный опыт, что связывает воззрения философа со святоотеческой традицией. Кроме того, утверждение «Ты Есть», с точки зрения С. Н. Булгакова, «стоит в религии прежде всякого анализа» [3, с. 19] в качестве единственного предмета веры,

не способного по самой своей природе стать знанием, поскольку знание имманентно миру, в то время как религия базируется на противоположности имманентного трансцендентному.

Отметим, что анализ религиозных оснований приводит философа к выводу о том, что «трансцендентно-имманентное» как одна из категорий религии «...есть основное формальное понятие, в котором осознается связь с божеством» [Там же, с. 12]. Поэтому для мыслителя трансцендентно-имманентный принцип выступает основой для богопознания. По-видимому, здесь С. Н. Булгаков стремится соединить алогическое и логическое в богопознании, что можно рассматривать как предпосылки создания концепции «цельного» знания.

Перейдем теперь к анализу православного богословия энергий, которое также получило свою интерпретацию в булгаковском понимании основных положений восточного христианства. Для философа очевидно, что каждый человек имеет собственный орган восприятия Бога, иначе говоря, сердце. Это утверждение отсылает нас к византийскому мистическому богословию сердца св. Гр. Паламы, написавшему несколько веков назад, что «...принять этот свет может только сердечная чистота; а все, что люди говорят и узнают о Боге, вместит и нечистое сердце. Ясно, что такой свет выше слова и знания, и если даже кто назовет его знанием и пониманием, поскольку Дух дает его умной способности души, то здесь подразумевается другой вид понимания, духовный и недоступный даже для верующих сердец, если они не очистились делами» [7, с. 138].

По мнению Я. В. Бондаревой, «философия сердца», представленная как синтез, обнаруживающий себя в целостном опыте, является основой не только исихазма, но характерна и для всей восточнохристианской традиции (т.е. и для русской религиозной философии также). Автор утверждает, что «философия сердца» является перекрестком антропологических и гносеологических поисков и основанием опытного мистического и экзистенциального познания [1, с. 68].

В целом, с этим можно согласиться, только за исключением слишком уж поспешного, на наш взгляд, причисления к святоотеческой традиции всей религиозной русской философии. В этой связи заслуживает внимания позиция Е. Ю. Положенковой, утверждающей, что «все русские религиозные философы формировались в контексте русской православной культуры и поэтому не могли в той или иной степени не впитать логосный, онтологичный дух восточно-христианской традиции... Однако для Соловьева и его последователей собственно религиозными основаниями стали гностицизм, мистико-окультизм, манихейство, протестантизм, католичество, проникавшие в пространство их философствования через различные европейские философские учения... Христианско-православная традиция не стала религиозным основанием для Соловьева и его последователей в силу отсутствия у них адекватного, полного христианско-православного опыта, в отличие от И. Киреевского или А. Хомякова, подобным опытом обладавших. Различная степень адекватности и полноты христианско-православного опыта в житетворчестве русских религиозных философов определили и их разное отношение к святоотеческому богословию, являющемуся проекцией религиозно-мистического опыта Восточной Церкви» [5, с. 210].

С точки зрения И. И. Семаевой, вопрос о характере рецепции православного наследия отечественными религиозными философами до сих пор недостаточно исследован. При этом она замечает, что, когда мы говорим о преемственности традиции, то это предполагает не столько даже использование каких-то отдельных идей восточно-христианского наследия вне православного вероучительного контекста, сколько адекватное их восприятие и осмысление, верность духу предания и творчества Св. Отцов [9, с. 68]. Этот вопрос со всей остротой встает перед нами и при исследовании философского творчества С. Н. Булгакова и требует своего дальнейшего осмысления.

Что же касается булгаковской интерпретации богословия св. Григория Паламы, то С. Н. Булгаков замечает, что религиозным озарением «естественный» опыт и «естественное» знание не отменяются, а преобразуются [Там же, с. 112]. Поэтому именно в религиозном суждении человеку доступно то, что ему не суждено достичь в других областях духовной жизни. Это постижение Бога может быть возможным благодаря религиозной одаренности личности, с одной стороны, а с другой – божественной благодати. Современными исследователями отмечается безусловное влияние паламизма на представления мыслителя о духовном опыте как «чувстве Бога» [Там же, с. 113]. И. И. Семаева полагает, что это чувство является аналогом «умному чувству» св. Григория Паламы, поскольку совпадают их описания [Там же].

Справедливости ради заметим, что не только влияние паламизма сказалось на философских построениях С. Н. Булгакова. В свое время, сравнивая философско-религиозную систему С. Н. Булгакова с учениями гностиков, опиравшихся в своих философских построениях на чувственное воображение, московский митрополит Сергей подобным образом характеризует и булгаковское творчество: «Система Булгакова создана тоже не только философской мыслью, но и творческим воображением. Это тоже есть поэма, увлекающая и высотой, и своим внешним видом: она оперирует терминами и понятиями, обычными в православной догматике, в Св. Писании и под. Но вот вопрос: церковное ли содержание влагает Булгаков в эту новую форму?» [10, с. 204].

Известный отечественный исследователь святоотеческого наследия и русской религиозной философии С. С. Хоружий, в свою очередь, указал на влияние Шеллинга на философские идеи С. Н. Булгакова, подчеркнув, что последние реализуются «в стиле философской фантазии, напоминающем позднего Шеллинга» (в частности, метафизика «Света не вечернего», похожая на «философию откровения» немецкого философа) [13, с. 6]. Софиология С. Н. Булгакова дала повод С. С. Хоружему утверждать, что булгаковская религиозная философия представляет собой по методологии и идеям «...характерный образец Серебряного Века» [14, с. 18].

Несмотря на то, что в религиозной философии С. Н. Булгакова преобладают романтические мотивы, инициировавшие в его системе заданное богоподобие и самовластие человека, его многогранное противоречивое

философское творчество представляет и безусловный положительный опыт поиска ответов на трудные мировоззренческие вопросы: осознание необходимости изменения и преображения пути отечественной философии, творческого возвращения к своему духовному истоку. Отметим в этой связи мысль Г. В. Флоровского, сказавшего, что «историческая чуткость русской мысли и пройденный ею искус исторических размышлений и переживаний – это лучший залог ожидаемого богословского обновления...» [11, с. 498]. Заслугой С. Н. Булгакова является, на наш взгляд, стремление разрешить «трагедию» философии путем усвоения ею идей святоотеческого наследия, попытка рассмотрения религии как самостоятельной духовной области человеческой жизни; выявление онтологической связи между религией и философией. Можно охарактеризовать булгаковскую философию как поворот отечественной религиозной философии к творческому осмыслению наследия св. отцов Восточной Церкви, увеличение объема знаний благодаря востребованности всех путей Богопознания и аспектов веры.

Резюмируя, сделаем некоторые выводы.

1. Споры по поводу философских идей С. Н. Булгакова не утихают до сих пор, что свидетельствует о непреходящей актуальности его поиска. Безусловно, творчество философа, при всей его противоречивости, далеко выходит за рамки своего времени. Сегодня большинство исследователей русской философии, мы полагаем, готовы согласиться с мнением Р. Берда, считающим, что, если как вероучение «булгаковское богословие уже пало жертвой мирового суда», то, как образец личного опыта-исповеди и исповеди восточнославянского православия «о тернистом пути XX века» это учение представляет собой, безусловно, положительную силу [Там же, с. 499].

2. По словам И. Б. Роднянской, философское учение С. Н. Булгакова располагается в «зоне перехода от старой богословской проблематики... к неизбежно новой» [6, с. 29]. Его отличие как религиозного мыслителя состоит в понимании важности для религиозного сознания молитвы. Если в философии (даже религиозной) Бог зачастую выступает как метафизический Абсолют, то у С. Н. Булгакова религия и религиозное сознание базируются на дуализме естественного и сверхъестественного миров, что заставляет его искать решение проблемы имманентного и трансцендентного. Философская позиция С. Н. Булгакова состоит в понимании религии и религиозного сознания как главного элемента сознания человека и человечества.

3. Базовые концептуальные основы учения о богопознании у С. Н. Булгакова опираются на святоотеческую традицию и православное богословие энергий.

Список литературы

1. **Бондарева Я. В.** Генезис методологических основ русской религиозной философии: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 118 с.
2. **Булгаков С. Н.** Православие / худож. оформ. Б. Ф. Бублик. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 480 с.
3. **Булгаков С. Н.** Свет не вечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. **Булгаков С. Н.** Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 603 с.
5. **Положенкова Е. Ю.** Соотношение религиозной философии и христианского богословия в русской религиозно-философской мысли XIX – нач. XX вв. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. 230 с.
6. **Роднянская И. Б.** Сергей Николаевич Булгаков – о. Сергий: стиль мысли и формы мысли // С. Н. Булгаков: религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения (5-7 марта 2001 г.). М.: Русский путь, 2003. С. 29-43.
7. **Св. Григорий Палама.** Триады в защиту священно-безмолвствующих / перевод, послесловие и комментарии В. В. Библихина. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2007. 429 с.
8. **Святитель Григорий Нисский.** Избранные творения / сост. иерея Александра Гумерова. 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 384 с.
9. **Семаева И. И.** Поиск идентичности: русская религиозная философия XX века и ее духовные основания: учебное пособие. Балашиха: ВТУ, 2004. 220 с.
10. **Указ Московской Патриархии Преосвященному митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию //** Лосский В. Н. Боговидение. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. 495 с.
11. **Флоровский Г. В.** Пути русского богословия. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006. 608 с.
12. **Флоровский Г. В.** Христианин в Церкви // Флоровский Г. В. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии / сост., вступит. ст. И. И. Евлампиева, примеч. И. И. Евлампиева и В. Л. Селиверстова. СПб.: РХГА, 2005. 483 с.
13. **Хоружий С. С.** Вехи философского творчества Отца Сергия Булгакова // Хоружий С. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 603 с.
14. **Хоружий С. С.** Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.

PATRISTIC RELIGIOUS TRADITION AND S. N. BULGAKOV'S PHILOSOPHICAL CREATIVITY

Ryazanskaya Olga Borisovna

*Institute of Service Sector and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University in Shakhty
ors27@mail.ru*

The author attempts to identify the understanding of Orthodox dogmatics by S. N. Bulgakov and formulate the peculiarities of its interpretation in the philosopher's doctrine. The article identifies the basics of the God cognition understood by S. N. Bulgakov as personal religious experience that unites the philosopher's views with the patristic tradition; formulates the basic conceptual foundations of the doctrine of the God cognition by S. N. Bulgakov, which are based on the patristic tradition and the Orthodox theology of energies.

Key words and phrases: apophatic theology; “theology of heart”; personal religious experience; Palamism; patristic tradition; principle of symbolic realism.